

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА
Г. Москва

2 августа 1987 года

МОЙ СОБЕСЕДНИК — автор трех опер, двух балетов, концертов для скрипки, голоса, органа с оркестром, вокальных циклов. Плодотворно работает он и в области киномузыки: на счету композитора более 80 фильмов (последний — документальная лента «Рейс сквозь память», посвященная юбилею перелета советских летчиков через Северный полюс в Америку), и многие популярные песни Таривердиева пришли к нам именно с экрана.

— Микаэл Леонович, а на каких фильмах воспитывались вы сами?

— Первое и самое яркое впечатление детства — «Чапаев». Отец был участником гражданской войны, мама много рассказывала мне о нем, и для меня эти рассказы слились в единый эмоциональный комплекс с «Чапаевым» и светловской «Гренадой».

Мне тогда было шесть лет, и помню, как, посмотрев «Чапаева», я заболел в самом буквальном смысле слова: несколько дней пролежал с температурой. Это я тонул в реке, это по мне били из пулеметов, и это я не мог выплыть...

А еще — музыкальные фильмы. Их в предвоенные и послевоенные годы выходило немало: «Глинка», «Джузеппе Верди», фильм о Бетховене — такие ленты оказали большое влияние на развитие музыкальных вкусов нашего поколения. И рядом с ними по праву стояли благородная, лирически-мягкая «Музыкальная история», словно приблизившая к каждому из нас Сергея Яковлевича Лемешева, изящная комедия «Антон Иванович сердится»... Где все это нынче? Я имею в виду музыкальный, исторически значимый уровень картин. Те фильмы, что с любовью и уважением рассказывали о нашем великом прошлом, в том числе и музыкальном, вызывали в людях симпатию к гениям нашей истории, нашей культуры, гордость за нее.

И хотя мне ближе фильмы, несущие глубокую проблематику, ее талантливое режиссерское видение, было бы неправдой сказать, что без удовольствия смотрю я ленты развлекательные. Если они сделаны со вкусом, с хорошими актерскими работами. К сожалению, сегодня для многих развлекательная субкультура стала единственным, что они воспринимают. И это во всем мире, да и у нас тоже,

привело к понятию потребления искусства. Не восприятие, а именно потребления на уровне: развлекаться любимыми возможными и невозможными средствами. Такая позиция мне неприятна, откуда бы она ни исходила — от автора или от зрителя.

— А как вы в таком случае относитесь к весьма распространенному тезису, что в фильме хороша, органична именно та музыка, которую вроде бы и не замечаешь?

— Допускаю возможность и

фильмах неизмеримо уменьшился.

— Резко уменьшилось и количество песен, идущих к зрителю с экрана. Многие песни из кинофильмов 40—50-х годов живут и сегодня, хотя картины порой и позабылись...

— Наверное, потому, что из фильмов нынешних, особенно фильмов на военную тему, ушла та романтическая красота, которая так ценилась когда-то. На смену ей пришла суровая, неприкра-

Семенова, и в режиссуре Татьяны Лиозновой. И мы решили разделить наши функции: Тихонов играл жесткого, сурового человека, а музыка на этих планах, передающая чувство Родины, дома, говорила о его внутренней мягкости, большой доброте, душевной тонкости героя. Соединяясь, эти качества и должны были дать обобщение, к которому мы все стремились.

Так вот, музыка в подобного рода фильмах не долж-

мы снова ее «подложили». И только после этого была создана партитура.

Кстати, о самой киноленте. На мой взгляд, эта художественно-документальная картина, может быть, наиболее волнующая из всех, какие видел я на эту тему. Она проникнута любовью, уважением к «звездным минутам» человечества, и для меня до сих пор остается тайной, почему среди фильмов о космонавтах, о Юрии Гагарине этот не стал самым популярным. Убежден, что со временем он еще займет то место, на которое вправе рассчитывать.

— Вместо резюме, Микаэл Леонович. Всех нас беспокоит вопрос об одностороннем развитии музыкальных вкусов молодого поколения. Чуть не с пеленок слышат ребята не просто эстраду, а ее наиболее «агрессивные», как сейчас принято говорить, жанры. «Мультишка» для самых младших идет в сопровождении ВИА, рок-группы. Кстати, в своей семье вы не ощущали такого беспокойства или ваш сын по наследству воспринял папины музыкальные взгляды?

— Музыка он любит, и вкус у него есть, как мне кажется, хотя по моим стопам и не пошел: стал офицером Советской Армии, недавно вернулся из Афганистана, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды. Если же вести речь о молодом поколении в целом, я уже говорил: меня беспокоит, что кино, этот великий воспитатель, стал ограничивать себя рамками одного музыкального жанра, причем сводится все это к двум-трем достаточно банальным схемам. Мне хочется, чтобы на экранах снова, и как можно скорее, появились новые музыкальные ленты не только развлекательного плана, но и дающие возможность зрителю окунуться во внутренний мир, в причины успеха или неуспеха, в творческую «кухню» наших великих предшественников, да и современников тоже.

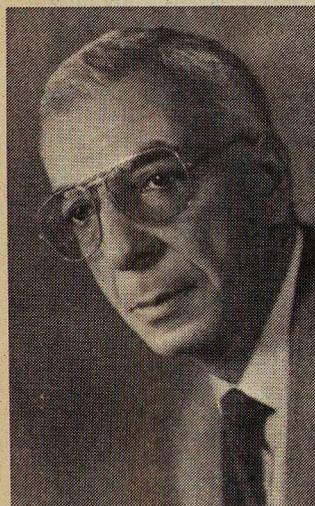
Картины, подобные «Лунной сонате» или «Глинке», снятые на новом, современном уровне, возможно, снова приучили бы нашу молодежь «штурмовать» двери Большого зала консерватории, зала Института имени Гнесиных, а не только дворцов спорта, когда там идут гастроли очередных модных «звезд» недела...

Вел беседу
В. ЛЕБЕДИНСКИЙ.

Встречи по вашей просьбе

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ:

И ДАРИТ МУЗЫКУ ЭКРАН

такой точки зрения, поскольку в искусстве нет и не может быть догм и «рецептов». Но мне чуждо подобное восприятие киномузыки. Ведь этим самым ей отводится роль фона, второстепенного элемента. И если развить эту мысль, можно договориться до того, что — вы уж меня простите! — так же незаметен должен оказаться и режиссер, и художник, и актер. Думаю, что это противоестественно, потому что художественную концепцию можно достойно выразить лишь тогда, когда все компоненты выразительны и ярки. Более того — когда они взаимодействуют друг с другом. Ведь даже в самом достоверном фильме, отражающем, так сказать, «поток жизни», все равно есть элемент условности: хотя бы в том факте, что это все снято на пленку, проявлено, показано не просто так, а в определенной монтажной последовательности.

И еще. Почти девяносто процентов сегодняшней киномузыки пишется в эстрадной или полужанровой манере. Она бывает прекрасной, бывает средней или совсем плохой, но ясно одно: процент музыки симфонической в

такая правда. И такие фильмы, как, скажем, «Иди и смотри» Элема Климова или «Проверка на дорогах» Алексея Германа, по структуре своей не предполагают наличия песен.

Впрочем, я вполне допускаю, что и в сегодняшнем нашем взгляде на войну может появиться песенное решение, такие примеры есть. Все это — вопрос таланта, художнического видения, концепции.

Скажем, когда мне предложили писать музыку к фильму «Семнадцать мгновений весны» и я прочитал сценарий, первая мысль была: а что, собственно, здесь должно делать музыка? Показать, какие чувства обуревают человека, находящегося в силу своего долга, профессии в стане врага? Сознание необходимости такой вот трудной работы? Но это и без меня делал блестяще актер Тихонов. Показывать понимание личной ответственности, может, небольшой, а может — огромной, во всяком случае, той, из которой, в частности, складывалась в целом Победа многих и разных людей, составлявших сражающийся народ? Но это и так было заложено и в сценарии Юлиана

на решаться напрямую. Главное — найти не просто музыкальное сопровождение, а ту идею, концепцию, которая в итоге будет работать на образ.

По-другому мы работали со Львом Кулиджановым, когда снимался фильм «Звездная минута». Режиссер сказал мне: «Весь музыкальный (и звуковой!) ряд фильма в полном твоём распоряжении. Ты знаешь, о чем фильм, видел монтаж, мы с тобой не единожды говорили о нем. Напиши музыку, какую считаешь нужной. Я не хочу ни во что вмешиваться».

Этот подход, может быть, еще более опасен. Потому что на меня свалилась непомерная ответственность. Я написал всю музыку в виде эскизов для двух-трех инструментов. Мы «подложили» ее под изобразительный ряд — и сразу стали видны просчеты в музыкальной драматургии. Теперь мы уже вместе работали не один вечер, пока не родилась, наконец, новая музыкальная концепция. Я заново написал всю музыку, и